

Научная статья

УДК 1751

DOI: 10.47438/2309-7078_2023_3_165

СПИРИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ «ТАИНСВЕННЫХ ПОВЕСТЕЙ»)

Олег Владимирович Устимов¹
Воронежский государственный университет¹
Воронеж, Россия

¹Аспирант филологического факультета, преподаватель кафедры истории и типологии
русской и зарубежной литературы, ORCID ID: 0000-0002-3460-4086,
тел.: (473) 220-84-98, e-mail: Lacedaemon37@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются спиритические мотивы в «Таинственных повестях» И.С. Тургенева. Спиритизм в повести «Призраки» рассматривается в качестве способа рефлексии автора над позитивными тенденциями его эпохи в изучении истории и ее художественного изображения. Некромантия и спиритизм в «Песни торжествующей любви» исследуются как изображения художественных приемов, а именно – стилизации и оммажа. В «Странной истории» спиритизм и магнетизм оказываются той оппозицией, которая позволяет раскрыть тайный пласт рассказа и взглянуть на мотивацию и психологию героев под другим углом. Персонажи-медиумы в «Кларе Милич» и «Странной истории» показывают себя в новых сферах и тем самым дополняют характерологию и раскрывают концептуальный аппарат И.С. Тургенева и его творческое видение. Данный анализ позволяет выявить схожесть и связи между «реалистическими» произведениями автора и группой «Таинственных повестей», часто рассматриваемыми как разноприродные реальности. Исследование спиритических мотивов и поэтики в произведении И.С. Тургенева проводится впервые, что позволяет говорить о новизне работы.

Ключевые слова: «Призраки», «Песнь торжествующей любви», «Странная история», «Клара Милич», таинственные повести, спиритизм, магнетизм, медиумизм, стилизация, И.С. Тургенев.

Для цитирования: Устимов О.В. Спиритические мотивы в творчестве И.С. Тургенева (на материале «Таинственных повестей») // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 3. С. 165–169. DOI: 10.47438/2309-7078_2023_3_165

Введение

«Таинственные повести» И.С. Тургенева, с момента выделения их Л.В. Пумпянским в отдельный цикл [8, с. 450], регулярно становились предметом рассмотрения исследователей. Чаще всего изучалось или особое положение этих повестей в системе творчества писателя [6, с. 65–106], или сочетание фантастических элементов с реалистическим методом автора и позитивистскими тенденциями эпохи [7, с. 9–13]. Спиритические мотивы в «Таинственных повестях» были замечены В.Н. Ильиным, но в основном только в повести «Призраки» и под сильным влиянием символистского мировоззрения Серебряного века. Тем самым В.Н. Ильин приписывает И.С. Тургеневу религиозно-философские взгляды, которые тот по историческим причинам не мог разделять [5,

с. 169–198]. Ниже мы попытаемся рассмотреть спиритические мотивы «Таинственных повестей» в аспекте их поэтики.

И.С. Тургенев принимал участие в спиритическом сеансе, который давал Д. Юм в марте 1857 г. Об этом сеансе он свидетельствует П.В. Анненкову в письме от 9 марта того же года: «Что бы сказать мне Вам о здешних происшествиях? Был я в одном доме, где известный колдун Юм (Нуме), о котором Вы, вероятно, слышали – должен был произвести свои чудеса; но ничего не вышло; только раз по моему требованию что-то у меня три раза простучало под подошвой правой ноги. Хорошенько я не понимаю, как это было сделано. Но Париж только и толкует, что о нем; в течение одной недели он три раза был в Тюльерийском дворце – и там, говорят, происходили удивительные вещи: и стол поднимался на воздух, и какие-то руки виднелись, и гармоники играли сами,

и колокольчики не падали, а волнообразно опускались на пол... Мы, грешные, ничего этого не видали» [9, с. 210].

Интересно в этом фрагменте письма то, что здесь И.С. Тургенев уже зафиксировал несколько элементов, сопутствующих подаче сверхъестественного в его прозе: свидетельство о феномене в сниженном стиле, но с отказом от вывода о его онтологическом статусе; ссылка на рассказы других людей, опять же без каких-либо утверждений об истинности этих рассказов; социологический взгляд на популярность в обществе новых практик и мнений. Эти элементы либо по отдельности, либо все вместе сопровождают введение мистических феноменов писателем, но, как мы покажем ниже, далеко не исчерпываются ими.

Результаты

Первым произведением И.С. Тургенева, в котором появляется спиритическая тема, стали «Призраки», вышедшие в 1864 г. То, что призрак, появляющийся в этом тексте, должен восприниматься именно в спиритическом контексте, свидетельствует первая выделенная фраза внутреннего монолога главного героя: «Чёрт бы побрал эти глупости с вертящимися столами!» [10, с. 191]. «Столоверчение» – понятие, которым назывался спиритизм в 1850–1860-е гг. (в честь самой популярной практики сеансов). Какую же функцию приобретает отсылка к спиритизму в этом тексте?

«Призраки» – один из самых богатых на интерпретации текстов И.С. Тургенева. Ещё современники писателя спорили о том, что символизирует собой Эллис? Чем обусловлен выбор локаций и времен, куда переносит Эллис главного героя? В чем смысл этой повести как целого?

Тем самым интерпретатор повести оказывается в роли самого главного персонажа, пытающегося выяснить, чем является Эллис, и не справляющегося с этой задачей. Сам герой падок на далеко идущие герменевтические выводы:

«– Эллис! – взмолился я, – да кто же ты? скажи мне, наконец!»

Она молча подняла свою длинную белую руку. На темном небе, там, куда указывал ее палец, среди мелких звезд красноватой чертой сияла комета.

– Как мне понять тебя? – начал я. – Или ты – как эта комета носится между планетами и солнцем – носишься между людьми... и чем?» [10, с. 201].

Не самое очевидное заключение, свидетельствующее скорее о богатом воображении, чем способности к анализу имеющейся информации. Сам И.С. Тургенев в предисловии к переизданию «Призраков» предлагал читателю не пытаться искать «аллегории или скрытого значения, а просто видеть <...> ряд картин, связанных между собою довольно поверхностно» [10, с. 476].

Таким образом, спиритизм здесь не является частью картин, показанных главному герою, а выступает принципом структурной организации, связывающим их в единый нарратив. Если бы Эллис выступала музой поэта, как считали некоторые толкователи [2, с. 152–167], тогда в повести должна была бы иметь место поэзия в собственном смысле слова. Рассказчик же повести является наблюдателем и толкователем, и лицом к тому же весьма «прозаическим».

Текст «Призраков» очень реалистичный и плотный: повествователь постоянно рассуждает о материале, из которого состоит призрак; обращает внимание на детали пейзажей и бесконечно анализирует и описывает запахи и ощущения. Если учитывать всё это, чем тогда являются «Призраки»?

Илья Виноцкий в главе «Русский Глабдабдриб» книги «Ghostly Paradoxes: Modern Spiritualism and Russian Culture in the Age of Realism», анализируя увлечение историческими темами и сюжетами писателей и драматургов 1860-х гг., пишет: «Если метафорой романтического воображения может служить фантазмагория ("spectral drama" в интерпретации Терри Кэсл), то метафора реалистического воображения – спиритический сеанс, материализующий аутентичный "дух прошлого" в присутствии заинтересованной публики» [3, с. 127].

«Призраки» – не возвращение к романтическим образам и не аллегория творческого процесса, но рефлексия автора-реалиста над принципом работы с исторической темой. Действительно, наиболее значимыми визитами являются в повести перемещения скорее во времени, чем в пространстве: в Древний Рим – Цезаря и на Волгу – Стеньки Разина.

Эллис переносит героя в другой временной период, не отвечая на вопросы и не взаимодействуя с этими локациями, предоставляя герою-позитивисту возможность анализировать детали, события и людей. Автор-реалист, работающий с историческим материалом, оказывается в роли Эллис, перемещая читателя по оси времени и предоставляя ему возможность анализировать и толковать увиденное. Спиритические мотивы в данном случае обслуживают историческую тематику.

Еще раз И.С. Тургенев обратится к историческому материалу при работе над повестью «Песнь торжествующей любви». В «Песни...» нет изображения или упоминания спиритизма в чистом виде, но объектом изображения в произведении является феномен, соотносящийся со спиритизмом по принципу эквивалентности, т.е. имеющий точки сходства и различия. Этим феноменом является некромантия. Сходство некромантии и спиритизма заключается в том, что они оба являются практикой взаимодействия с мертвыми, а различие в том, что спиритизм взаимодействует с духом без тела, а некромантия – с телом без духа.

Автором этой оккультной практики является в повести мальчик-малаец, получивший магические способности в обмен на язык: «поплатившись языком, этот малаец принес великую жертву – и зато обладает теперь великою силой» [11, с. 57]. Такая сделка строится на принципе равноценного обмена, типичном для герметических практик.

У «Песни...» есть две особенности, выделяющие её из всего творчества И.С. Тургенева. Это единственная повесть, в которой изображено фантастическое действие без возможности его реалистического толкования (воскрешение мертвого), и единственная стилизация в творчестве писателя.

Особенности эти связаны друг с другом.

Отсутствие языка у малайца тематически противопоставляет героя инстанции автора, не имеющего ничего, кроме языка. Такая оппозиция – «тело без

языка/язык без тела» соотносится с некромантско-спиритической оппозицией «тело без души/душа без тела». На месте медиума-спирита оказывается чистый язык – автор.

Столь же очевидно, с каким духом взаимодействует автор-медиум.

Стилизация – это воскрешение мертвого стиля посредством языка. Между тем, «Песнь торжествующей любви» была посвящена памяти Густава Флобера [11, с. 47], умершего за полтора года до публикации тургеневского произведения. Также стоит отметить, что писатель перевел «Легенду о святом Юлиане Милостивом» Г. Флобера, которая тематически и стилистически близка к «Песне...». Как показывает в своем анализе произведения М.О. Габель, дух Флобера присутствует в этом тексте, особенно в магических сценах, напоминающих подобные им в «Искушении святого Антония» и «Саламбо» [4, с. 212–223]. Духом этой повести является стиль Флобера, а Тургенев – медиумом, призывающим его.

Как и в «Призраках», в «Песни торжествующей любви» спиритизм играет роль способа рефлексии писателя над творческим методом.

Теперь обратимся к текстам, в которых спиритизм играл другую роль. Спиритический сеанс является у Тургенева предметом изображения в повести «Странная история». Главный герой, устав от скуки во время командировки в провинциальном городе, следует совету слуги пойти поразвлечься своеобразным способом: «Не желаете ли мертвых видеть?» [12, с. 141] – затем находит безграмотного мещанина Василия, успешно вызывающего дух старого гувернера.

Как и в большинстве «Тайнственных повестей», И.С. Тургенев дает читателю две альтернативы для трактовки мистических событий повести – как бы фантастическую и как бы научную. Фантастической интерпретацией повести является вера в медиумические способности Василия, а «научной» – вера в животный магнетизм и гипнотизерство во времена писателя, считавшиеся наукой. Но уже на уровне текста у нас есть причина опровергнуть возможность истинности магнетической версии. Медиум и магнетизер противопоставлены по принципу «пассивность/активность». Магнетизер – человек сильной воли, внушающий ее остальным, тем самым вызывающий сомнамбулизм, галлюцинации и т.д. Медиум – человек пассивный, пропускающий через себя волю внешнюю, обычно – душ умерших людей. Это одна из причин, почему роль медиума на спиритических сеансах доставалась чаще всего девушкам: в культуре они представляют собой пассивное начало, сосуд, а мужчины – активное.

Может показаться, что Василий – как раз человек сильной воли, внушающий галлюцинации с помощью своих магнетизерских способностей. Так кажется и главному герою (и потенциальному читателю-позитивисту XIX в.). Но обратим внимание на одну вещь. Когда Василий заканчивает спиритический сеанс, он просит чаю: «Он подошел, шатаясь, к стене, уперся в нее головой и обеими руками и, задыхаясь как запаленная лошадь, хриплым голосом проговорил: "Чаю!"» [12, с. 147]. А в самом конце повести, когда хозяйка предлагает Василию чай, он ей отвечает: «Что выдумала! – отозвался юродивый.

– Грешное тело баловать... Охо-хо! Все кости ему сокрушить... а она – чай!» [12, с. 153]. Таким образом, отношение Василия к чаю меняется на противоположное. Но почему? Что изменилось в жизни Василия с того момента? Только одно – он заменил в качестве спутницы свою мать на Софи.

Именно Софи была автором идеи необходимости самоуничтожения и укропления плоти: «– Я читала где-то, – продолжала она, не оборачиваясь ко мне и едва шевеля губами, – что один вельможа велел себя похоронить под папертью церковною для того, чтобы все приходившие люди ногами попирали его, топтали... Вот это надо еще при жизни сделать...» [12, с. 151]. Василий нигде не высказывает подобных или близких этим мыслей, из чего следует, что они были внушены ему Софи. Это она оказывается носителем воли, а Василий – пассивным её приёмником. Соответственно, он не может быть магнетизером, а может быть только медиумом (интересно ещё и то, что главный герой называет Василия тем же словом, каким И.С. Тургенев называет Д. Юма в письме П.В. Анненкову – «колдун» [12, с. 145]).

Аналогичная ситуация соотношения мужского и женского субъектов в спиритической ситуации возникает в повести «Клара Милич (После смерти)». На общность типов Софи и Клары указывал ещё А.Б. Муратов в книге «Тургенев-новеллист», хотя и в другом аспекте: «Представление об универсальной испорченности мира и, как следствие, отгороженности от него, напряженность поисков идеала, красоты, бескомпромиссность в отношении к себе и к людям – все это и делает Клару Милич близкой Софи» [6, с. 96]. Объединяет их ещё воля, благодаря которой они навязывают свое мировоззрение и себя героям-мужчинам, иногда успешно, как в «Странной истории», но в большинстве случаев – безуспешно, как отчасти и в «После смерти».

В целом, неуспех в любви между волевой и энергичной женщиной и пассивным и слабым мужчиной – как известно, один из основных сюжетов И.С. Тургенева (от «Рудина» и «Аси» до самой «Клары Милич»). Особенностью повести «После смерти» является только то, что тут этот разлад выведен за пределы жизни, за границы земного. «Слабый человек» Аратов остается одержимым Кларой. Одержимость эта усиливается отсутствием возможности (а значит – и необходимости) наладить отношения в этой жизни, взять судьбу в свои руки. Образ Клары после её смерти имеет ещё большую власть над пассивным Аратовым.

Но помимо медиума Аратова, контактирующего с призраком, в повести есть ещё один медиум, проводящий образ Клары Милич. Этот медиум – фотография. Она держит в себе образ Клары так же, как и Аратов.

На момент написания повести фотография ещё не стала предметом философского или художественного осмысления, но уже стала объектом спиритических практик. Александр Аксаков подробно описал феномен «трансцендентальной фотографии», фиксирующей наличие призраков. Несмотря на то, что фотография Клары была сделана ещё при её жизни, она выполняет роль «трансцендентальной фотографии», материализуя призрак Клары после манипуляций

Аратова со стереоскопом. Сам Аратов уподобляется фотографии Клары, медиуму: «Потом он остановился посреди комнаты и скрестил руки (характерный жест Клары. – О.У.). Ощущение присутствия Клары было в нем сильнее, чем когда-либо» [11, с. 112].

Почти век спустя в рассказе «Слюни дьявола», сравниваемом с «Кларой Милич», Хулио Кортасар опишет это ощущение размывания субъекта, вызываемого фотоаппаратом [1, с. 37]. Утрата субъектом внутренней идентичности, укорененности в себе, пассивное созерцание и фиксация окружающего – черты, свойственные характеру «слабого человека» И.С. Тургенева [13, с. 25–26].

Медиумизм, почти мистическая (а иногда и вполне мистическая) подверженность чужой воле проявляется у писателя не только в случае «слабых людей», но и в случае героев, представляющих собой иную форму пассивности. А портретная галерея пассивных героев у И.С. Тургенева очень богатая, будь то пассивность «слабого человека», пассивность человека из народа (Василия в «Странной истории»

сначала называют «безграмотным», а затем «бессловесным» [12, с. 141], что заставляет сравнить его с другим пассивным героем автора – Герасимом) или пассивность фаталиста-романтика (подобно герою повести «Стук... стук...стук!»), отказывающегося брать судьбу в свои руки и отдающегося на её волю.

Выводы

Таким образом, мы показали две основные функции, которые спиритизм выполняет в творчестве И.С. Тургенева. Во-первых, спиритизм служит способом рефлексии писателя над творческим методом, приемами повествования. А во-вторых, он выступает одной из форм проявления частотной, эмблематической для тургеневского художественного мира пассивности героев, в поле действия которой они оказываются.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Вдовин А.В. Тургенев между мистикой и наукой // Тургенев И. С. Таинственные повести и рассказы. М. : Rosebud, 2019. С. 17–38.
2. Ветринский Ч. Муза-вампира // Творчество Тургенева : сб. ст. М. : Заруда, 1933. С. 152–167.
3. Виноцкий И. Русский Глабдабдриб : тень Димитрия и историческое воображение эпохи реализма // Новое литературное обозрение. 2023. № 180 [2/2023]. С. 121–134.
4. Ильин В.Н. Тургенев – мистик и метаспсихик // Арфа Давида : религиозно-философские мотивы русской литературы. СПб. : Русский Мир, 2009. С. 169–198.
5. Муратов А.Б. Тургенев-новеллист (1870–1880-е годы). Ленинград. : Изд-во ЛГУ, 1985. 119 с.
6. Осмакова Л.Н. «Таинственные» повести и рассказы И.С. Тургенева в контексте естественнонаучных открытий второй половины XIX века // Филологические науки. 1984. № 1. С. 9–14.
7. Габель М.О. «Песнь торжествующей любви» Тургенева (Опыт анализа) // Творческий путь Тургенева : сб. ст. Петрозаводск, 1923. С. 202–225.
8. Пумпянский Л.В. Группа таинственных повестей // Классическая традиция : Собрание трудов по истории русской литературы. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 448–463.
9. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1987. Т. 3 : Письма, 1855–1858. 701 с.
10. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1981. Т. 7 : Отцы и дети : [Роман] ; Повести и рассказы ; Дым : [Роман], 1861–1867. 559 с.
11. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1982. Т. 10 : Повести и рассказы, 1881–1883 ; Стихотворения в прозе, 1878–1883 ; Произведения разных годов. 607 с.
12. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1981. Т. 8 : Повести и рассказы, 1868–1872. 542 с.
13. Фаустов А.А., Савинков С.В. Очерки по характерологии русской литературы : середина XIX века. Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 1998. 156 с.

References

1. Vdovin, A.V. (2019) [Turgenev between mysticism and science]. In: Turgenev, I.S. *Mysterious stories and stories*. Moscow, Rosebud publ., pp. 17–38. (In Russian)
2. Vetrinskii, Ch. (1933) Muse vampire. In: *Turgenev's creativity : collection of art*. Moscow, Zaruda publ., pp. 152–167. (In Russian)
3. Vinititskii, I. (2023) Russkii Glabdabdrīb : ten' Dimitriya i istoricheskoe voobrazhenie epokhi realizma [Russian Glubdubdrīb: False Dimitry's Shade and Russian Historical Imagination in the Age of Realism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 180 (2/2023), 121–134. (In Russian)
4. Il'in, V.N. (2009) Turgenev – mystic and metapsychic. In: *David's Harp: religious and philosophical motives of Russian literature*. Saint-Petersburg, Russkii Mir publ., pp.169–198. (In Russian)
5. Muratov, A.B. (1985) *Turgenev-novellist (1870–1880-e gody)* [Turgenev-novelist (1870–1880s)]. Leningrad, LGU publ. 119 p. (In Russian)
6. Os'makova, L.N. (1984) «Tainstvennyye» povesti i rasskazy I.S. Turgeneva v kontekste estestvennonauchnykh otkrytii vtoroi poloviny XIX veka [“Mysterious” novels and stories by I.S. Turgenev in the context of natural scientific discoveries of the second half of the 19th century]. *Filologicheskie nauki*. (1), 9–14. (In Russian)

7. Gabel', M.O. (1923) "The Song of Triumphant Love" by Turgenev (Attempt of analysis). In: *Turgenev's creative path*. Petrograd, S eyatel' publ., pp. 202–225. (In Russian)
8. Pumpyanskii, L.V. (2000) A group of mysterious stories. In: *Classical tradition: Collection of works on the history of Russian literature*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., pp. 448–463. (In Russian)
9. Turgenev, I.S. (1987) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. T. 3* [Complete Works and Letters: in 30 vol. Vol. 3]. Moscow, Nauka publ. 701 p. (In Russian)
10. Turgenev, I.S. (1981) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. T. 7* [Complete Works and Letters: in 30 vol. Vol. 7]. Moscow, Nauka publ. 559 p. (In Russian)
11. Turgenev, I.S. (1982) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem : v 30 t. T. 10* [Complete Works and Letters: in 30 vol. Vol. 10]. Moscow, Nauka publ. 607 p. (In Russian)
12. Turgenev, I.S. (1981) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem : v 30 t. T. 8* [Complete Works and Letters: in 30 vol. Vol. 8]. Moscow, Nauka publ. 542 p. (In Russian)
13. Faustov, A.A., Savinkov, S.V. (1998) *Ocherki po kharakterologii russkoi literatury : seredina XIX veka* [Essays on the characterology of Russian literature: the middle of the 19th century]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet publ. 156 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 01.09.2023
Подписана в печать 28.09.2023

Original article

UDC 1751

DOI: 10.47438/2309-7078_2023_3_165

**SPIRITUAL MOTIVES IN THE WORKS OF I.S. TURGENEV
(ON THE MATERIAL OF "MYSTERIOUS NOVELS")**

Oleg V. Ustimov¹

*Voronezh State University¹
Voronezh, Russia*

¹*Postgraduate Student of the Faculty of Philology, Lecturer of the Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature, ORCID ID: 0000-0002-3460-4086, tel.: (473) 220-84-98, e-mail: Lacedaemon37@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the spiritualistic motives in the "Mysterious Novels" by I.S. Turgenev. Spiritualism in the story "Phantoms" is considered as a way of the author's reflection on the positive trends of his era in the study of history and its artistic representation. Necromancy and spiritualism in the "Song of Triumphant Love" are explored as images of artistic techniques, namely, stylization and homage. In "Strange Story", spiritualism and magnetism turn out to be the opposition that allows one to reveal the secret layer of the story and look at the motivation and psychology of the characters from a different angle. The characters-mediums in "Klara Militch" and "Strange Story" reveal themselves in new spheres and thus complement Turgenev's characterology and reveal I.S. Turgenev's conceptual apparatus and his creative vision. This analysis reveals the similarities and connections between the "realistic" works of Turgenev, and the group of "Mysterious Novels", often considered as different realities. The study of spiritualistic motifs and poetics in Turgenev's "Mysterious Novels" is being carried out for the first time, which allows us to speak about the novelty of this research.

Key words: "Phantoms", "Song of Triumphant Love", "Strange Story", "Clara Militch", mysterious novels, spiritualism, magnetism, mediumship, stylization, Turgenev.

Cite as: Ustimov, O.V. (2023) Spiritual motives in the works of I.S. Turgenev (on the material of "Mysterious novels"). *Izvestiya Voronezh State Pedagogical University*. (3), 165–169. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2023_3_165

Received 01.09.2023
Accepted 28.09.2023